

Д. А. БРОЗОВИЧ

О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СХОДСТВАХ И РАЗЛИЧИЯХ В ФОНОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ БАЛТИЙСКИХ И СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

Не раз было высказано мнение — в разных формулировках — о том, что славянские языки в репертуар интересных общелингвистических проблем могут внести в первую очередь два своих специфических явления: глагольный вид и разнообразие просодических феноменов. Такое мнение уже стало традиционным, но мне кажется, что мы не ошибемся, если к этой паре репрезентативных славянских языковых особенностей добавим еще в качестве третьего члена чрезвычайное богатство разнокачественных манифестаций фонологически релевантной или редундантной дизонности, прежде всего в консонантизме. Но этим еще не все сказано, как бы на заднем плане остается один особенно важный и во многом характерный факт, а именно: для всех трех только что приведенных репрезентативных проблем славянской лингвистики просто напрашиваются балтийские параллели. Возможно, ни в чем ином, как именно в этом факте так явно не отражается специфическая природа балтийско-славянских языковых отношений. Значение подобной постановки вопроса двоякое: для общелингвистических целей балтийские и славянские языки следует изучать вместе, а для решения проблемы их взаимных отношений нужен кроме индоевропейстического и общелингвистический подход.

Само собой разумеется, что балтийско-славянская проблематика всегда привлекала самое большое внимание, в рамках которого находил свое место и балтославянский аспект упомянутых трех вопросов славистики, прежде всего просодического. Но интерес был чаще всего направлен к диахроническим, особенно генетическим темам, а в гораздо меньшей мере — к синхроническим, особенно типологическим. Исключение до некоторой степени представляет только интерес к региональным ареально-типологическим явлениям, в синхронном и еще чаще в диахронном плане (природа и результаты ограниченных контактов: русско-белорусско-латышских, польско-белорусско-литовских, лехитско-западнобалтийских). Но дименсией, отсутствующей в наших исследованиях, является типологический просмотр совокупности балтийских и славянских языков с их диалектами, и в синхронии, и в диахронии, не только в индоевропейстическом, а еще больше — в общелингвистическом плане, или, вернее, в разных общелингвистических планах, более всего в рамках большого евразийского языкового комплекса.

Уже само заглавие этого доклада исключает возможность обсуждения чрезвычайно интересной проблематики глагольного вида¹, но другие два

¹ Свое мнение по этому вопросу я высказал на втором съезде югославских славистов 1959 г. в докладе: *O važnosti baltičkih jezika za slavistiku, osobito za našu dijalektologiju*. — „Jezik“, т. VIII, № 3–4. Загреб, 1959–1960, с. 111–124 (в. IV раздел, с. 112–113).

вопроса: проблема просодии и фонологического различительного признака диезности — должны оказаться в самом центре каждого обсуждения типологических сходств и различий в фонологических системах балтийских и славянских языков, тем более, что в типологической теории языковых универсалий именно эти два фонологических вопроса часто рассматриваются в их взаимной связанности и обусловленности, хотя они на первый взгляд независимы друг от друга. Потому мы и будем обращать внимание преимущественно на эти вопросы.

С другой стороны, ясно, что в границах доклада невозможно говорить исчерпывающим образом о всей проблематике и ее деталях. Наше задание заключается только в том, чтобы указать на некоторые специфические аспекты этой проблематики, ограничиваясь в некоторых случаях простым перечислением вопросов, без претензий найти удовлетворяющие ответы. Ведь к самой проблематике можно подойти с нескольких сторон и исследовать ее несколькими способами, каждый из которых заслуживает свою долю нашего внимания.

*
* *
*

Первый ряд вопросов, в нескольких вариантах, можно привести примерно в такой формулировке:

— Каков был общий типологический вид фонологической системы (или фонологических систем) в том объединении, из которого развились западнобалтийские, восточнобалтийские и славянские языки (несмотря на природу самого этого объединения, т.е. несмотря на то, имели ли мы генетическую формацию или какую-то разновидность языкового союза, или этой формации были присущи элементы обоих типов языкового объединения)?

— Другими словами: какие структурные моменты влияли на возникновение интонационных оппозиций (или на трансформацию унаследованных?) и на создание условий для позднейшего развития оппозиций по диезности?

— Какова при этом была роль внутрисистемных отношений и какова роль внешних ареальных типологических связей с соседними старыми небалтославянскими языками, индоевропейскими и неиндоевропейскими?

Все эти вопросы являются чрезвычайно трудными, но тем не менее несомненно, что именно ответы на эти вопросы должны разъяснить некоторые из самых важных балтийско-славянских проблем, может быть, более важных, чем так много обсуждаемые судьбы сатемских рефлексов² или индоевропейского *s* после *i*, *u*, *r*, *k*. Например, если в диалектах балтославянского объединения (или условно „праязыка“) в определенную эпоху сосуществовали три спиранта, обозначаемые, скажем *s*, *ś* и *š* — а я принадлежу к считающим, что это верно — тогда сам факт их существования каким-то образом важнее,

² См. Чекман В. Н. О рефлексах индоевропейских *k'*, *ǵ* в балтославянском языковом ареале. — В кн.: Балтославянские исследования. М., 1975, с. 116—135. Автор приводит первый полный обзор „правильных“ и „неправильных“ рефлексов в балтийских и славянских языках и всех теорий, созданных для их объяснения. Но Чекман не останавливается на этом, он излагает еще одну новую гипотезу, очень остроумную и оригинальную, также неубедительную.

чем вопрос их генезиса и чем вопрос их, вероятнее всего, неодинаковой и неравномерной репартиции³.

Эта тройная модель должна была существовать некоторое время, иначе были бы невозможны разные способы ее упрощения: у балтов $1, 2, 3 > s$ или $1 > s, 2, 3 > \check{s}$; у славян $1, 2 > s, 3 > \check{s} > x$.

С другой стороны, такая модель должна была иметь свое место в фонологической системе в целом, следовательно, она должна была влиять на эту систему, а результаты этого влияния в виде импульсных потенциалов могли еще долго действовать в рамках системы, уже после упрощения самой тройной модели. При этом я не имею в виду только фонологически релевантные различительные признаки отдельных фонем, так как редундантные различительные признаки являются главным резервуаром изменений на диахронической оси.

*
* *
*

Второй ряд вопросов относится к типологическим характеристикам балтийских и славянских языков с синхронной и диахронной точек зрения:

— Существуют ли вообще какие-то общевосточнобалтийский и общеславянский фонологические типы в настоящее время, и существовали ли такие общеполноязычный и общеславянский типы на временных уровнях, скажем, последней фазы существования западнобалтийских диалектов и последней фазы праславянского языка, перед его распадом?

— Существует ли в наше время хотя бы минимум общеполноязычной фонологической физиономии?

— Можно ли найти в региональных фонологических явлениях, охватывающих отдельные пограничные сегменты и балтийского и славянского диалектных континуумов, такие специфические феномены, каких нет на других пограничных секторах разных индоевропейских ветвей (напр., на германско-романском пограничии и т.п.)?

В этой проблематике можем обратить внимание на некоторые очень характерные факты. Я уже указывал на то, что в славянской и балтийской диалектологии и сравнительной грамматике очень часты одни и те же формулировки самих классификационных критериев⁴. Так, например, и тут, и там ищем рефлексы назальных дифтонгов (назальных гласных⁵), рефлексы групп

³ Что касается балтославянских \check{s} и \check{z} , их репартиция относительно k и g была, видимо, всегда нерегулярной. Что касается отношения $\check{s} \sim s$, хотя его современная явная нерегулярность в большинстве случаев второстепенного характера, все-таки не было полного начального единства. При этом слав. x происходит несомненно из \check{s} ; слишком часто настаивают на якобы принципиальном различии слав. $x \sim$ лит. \check{s} . Переход \check{s} в x совершенно банален, ср. типологически кастильское развитие или колебания в немецких диалектах.

⁴ Подробнее в статье, упомянутой в примеч. 1.

⁵ Традиционные праславянские носовые гласные \bar{o} , \bar{e} были фонетическими реализациями дифтонгов on , en , таких как дифтонги $or-er$, $ol-el$, $\bar{or}-\bar{er}$, $\bar{ol}-\bar{el}$. Я попытался это доказать в статье: *O inventaru fonemâ starocrkvenoslavenskog jezika i o njihovim razlikovnim obilježjima*. — В кн.: Кирил Солунски, т. 1. Скопје, 1970, с. 19—34.

*tj, dj, stj, zdj, skj, zgj*⁶ и групп *tl, dl'*, исследуем рефлексы праславянского ятя (т.е. псевдодифтонга типа $\underline{e}\varepsilon$, значит, почти $\underline{i}\ddot{a}$, происходящего частично из дифтонга \underline{ai}) и репартицию восточнобалтийского дифтонга *ie* (происходящего не только из *ei*, но и из \underline{ai}), исследуем движения в фонетическом ряду *l-l-l'-l'* (или $\underline{u-l-l-l'-l'-j-i}$)⁸; спрашиваем, оглушаются ли шумные в аусляуте; исследуем явления, по-разному называемые, но представляющие одни и те же процессы (в славянских диалектах — цакавизм, *mazurzenie*, цоканье, в литовском — явления в диалектном типе *dzūkai*)⁹, и т.д., и т.п., не говоря уже о самой диалектной проблематике диезности и интонации.

На наддиалектном уровне, когда говорим о критериях различения языков, т.е. диасистем в ранге „языка“¹⁰, находим совершенно сходную ситуацию. Возьмем стандартные языки как репрезентанты диасистем (что допустимо, строго говоря, только условно). Сравнивая латышский и литовский стандартные языки, В. Метьюс приводит в качестве типологических параллелей латышскую и словацкую фонологические системы, с одной стороны, и, с другой — литовскую и, менее подробно, восточнославянскую (в первую очередь, русскую и белорусскую)¹¹. Подобным образом поступает и К. С. Станг¹², сравнивая латышский с чешским (что менее точно, чем сравнение со словацким) и литовский с русским языком. Но эту тему можно расширить, охватывая весь балтославянский языковой мир:

I. Идиомы с релевантной диезностью: литовский язык, восточнославянская группа, лехитская и лужицкосербская подгруппы западнославянской группы, болгарский язык;

II. Идиомы, прошедшие через фазу с релевантной диезностью, что в настоящее время видно только в дистрибуции фонем и в их взаимной сочетаемости на синтагматической оси, а также в некоторых морфонологических

⁶ Разумеется, общими являются только инвентарь этих сочетаний и возможные их изменения.

⁷ В балт. **tlākis* находим и древнее *tl* и новое *kl* (оба в др.-прус., Chr. S. Stang. *Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen*. Oslo, 1966, с. 107) и упрощенное *l* (лит. *lokj̄s*, лат. *lācis*), что точно отвечает известным трем славянским рефлексам, напр., для псл. **jedla, grosso modo* западносл. *dl*, южно- и восточносл. *l*, севернорусс. *gl* (ср. и лит. *eglē*, лат. *egle*, др.-прус. *addle*). Хотя нет генетической связи между балтийскими и славянскими процессами, все-таки очень показательным их материальное тождество (реализующееся иногда в тех же самых примерах).

⁸ Почти во всех балтийских и славянских языках явления этого рода фигурируют между важными критериями диалектологической классификации (напр., в лит. *le* и *le* диалекты, и т.п.). Здесь и позже *c'* релевантно диезная, обыкновенно некомпактная согласная (компактные только веллярные в польском, восточнославянском и литовском, частично и в болгарском), а *C'* (или \underline{C} — разница только в графике) компактная согласная только редундантно диезная.

⁹ Не существенно, что в слав. имеем чаще всего $\check{c} > c$, в *dzūkai* $\check{c}' > c'$ (впрочем, sporadически $\check{c}' > c' > c$ — ср. J. Otrębski. *Gramatyka języka litewskiego*, t. I. Warszawa, 1958, с. 282—283; у славян кашубская параллель $\acute{c} > c$).

¹⁰ О понятии язык-диасистема я писал в статье: Славянские стандартные языки и сравнительный метод. — ВЯ, 1967, т. XVI, № 1, с. 3—33 (более обширная хорватская версия в книге: *Standardni jezik*. Загреб, 1970).

¹¹ W. Matthews. *The Phonemic System of Literary Latvian*. — В кн.: *Rakstu krājums (... Jānim Endzelīnam...)*. Rīgā, 1959, с. 181—200.

¹² Указ. соч., с. 102.

правилах: латышский язык, чешско-словацкая подгруппа западнославянской группы, македонский язык (кашубский, украинский и болгарский языки близки этой группировке, но все-таки принадлежат к первой);

III. Идиомы, вообще не имевшие в своем развитии никакой фазы с релевантной дизезностью: древнепрусский язык, сербохорватско-словенская подгруппа южнославянской группы¹³.

Другими словами, каждый балтийский язык связывается с одной из трех фонологическо-типологических группировок славянских языков. Это уже само по себе очень интересно. Хотя нам ясно, что приведенное распределение балтийских и славянских языков по трем группировкам является результатом относительно новых процессов, все-таки напрашивается мысль, что в балтославянской языковой совокупности содержался потенциал возможных развитий и в первом, и во втором, и в третьем направлении. Это становится еще более ясным, если обратим внимание на диалекты: так, например, определенные диалекты некоторых наречий не принадлежат типу, охватывающему их языковую диасистему, т.е. восточнолатышские диалекты и некоторые чешские, словацкие и македонские принадлежат к первой группировке, а западноболгарские — большей частью — ко второй.

Что же касается просодии, то была бы интересна фонетическая типология восточнобалтийских и западноюжнославянских интонаций (унаследованных и возобновленных). На этом настаивал мой покойный профессор Степан Ившич¹⁴. С другой стороны, нужно выработать общую структурную типологию всех просодических систем (т.е. типы инвентарей и дистрибуций) в балтийских и славянских диалектах в таком смысле, в каком это сделал П. Ивич в славянских рамках¹⁵. Только после этого создадутся условия для получения ответа на сформулированные выше вопросы о просодической стороне генеральной языковой физиономии.

И, наконец, говоря о явлениях в балтийско-славянских пограничных зонах, нужно иметь в виду, что интенсивность структурной конвергенции, например, между диалектами балканских диасистем (т.е. румынского, албанского, греческого, болгарского и македонского языков и так называемого торлацкого наречия сербохорватского языка) несомненно сильнее, чем на балтийско-славянском пограничии, и все-таки конкретные процессы, например, на литовско-белорусской границе более напоминают те, которые реализуются между балканскими южнославянскими диалектами, чем процессы, реализующиеся, например, на албанско-греческой или болгарско-румынской границе. Доказать эти впечатления трудно, хотя получить их совсем нетрудно. Именно в этом и заключается проблема: надо определить прежде всего подлинную природу почвы медиума, в котором происходят процессы, создающие эти впечатления.

¹³ Таким образом, только балтийские и южнославянские языки представлены во всех трех типах.

¹⁴ Особенно: Stjepan Ivšić. Prilog za slavenski akcenat. — „Rad JAZU“, 1911, t. 187, с. 133—208.

¹⁵ П. Ивич обращался несколько раз к этой теме на уровне сербо-хорватских и вообще славянских диалектов.

Этот медиум, видимо, — сама языковая материя. Можно сравнивать родственные и неродственные языки. Обоснованно, например, сравнивать фонологические системы неродственных соседних языков: латышского и эстонского, словацкого и венгерского. Эти сравнения уже проводились с успехом, но их нельзя смешивать с сопоставлением несоседних латышского и словацкого языков. Албанский и греческий языки являются и родственными, и соседними — они, например, единственные в Европе, обладающие совершенно энтропически сформированной восьмеркой периферийных-некомпактных шумных $t-d-b-\delta-c-z-s-z$ ¹⁶. И все-таки, можно ли сравнивать критерии для классификации албанских и греческих диалектов?

Другими словами, между балтийскими и славянскими идиомами отношения другого рода, чем между остальными группами родственных языков, не говоря уж о неродственных. Просто что-то функционирует тут, не функционирует там. В настоящей статье это продемонстрировано на фонологическом уровне, и даже на нем очень узко: почти только на проблематике просодии и дизности. Но и на всех других уровнях языка состояние вещей не выглядит иначе.

Эта проблема не обязательно должна носить только генетический характер. Я даже преднамеренно избежал генетического подхода¹⁷. Дело в том, что синхронные типологические аспекты рассматриваемой темы не объясняются просто тем или другим решением проблемы балтийско-славянских языковых отношений в традиционной формулировке вопроса.

*
* * *

Третий ряд вопросов должен охватывать способы включения отдельных частей балтославянского языкового мира в такие типологические фонологические зоны, какими являются евразийская, балтийско-морская, средне-европейская (или среднеевропейские: альпская и паннонская), балканская и среднеземноморская. Вопрос о модалитетах поведения балтийских и славянских языков (в частности и в целом) в рамках таких зон в основном уже продискутирован, но есть и другие вопросы:

¹⁶ По схеме:

	стридентные	нестридентные
континуированные	s, z	b, δ
неконтинуированные	c, β	t, d

¹⁷ Это не значит, что у меня нет собственного мнения по этому вопросу. В общем я согласен с представлениями В. В. Иванова и В. Топорова в их книге „К постановке вопроса о древнейших отношениях балтийских и славянских языков“ (М., 1958), но считаю, что они не довели своего тезиса до логичных окончательных консеквенций. Подробнее в моем докладе: *O usporednom i tipološkom proučavanju slavenskih jezika i dijalekata i o problemu njihova klasificiranja*. — В кн.: *Referati za V. međunarodni kongres slavista*. Задап, 1963, с. 81 — 99.

— Если в романских идиомах (языках и диалектах) абстрагируем элементы, принадлежащие атлантской, средиземноморской, альпской и (в румынском случае) балканской и евразийской зонам; если в германских идиомах абстрагируем элементы, принадлежащие атлантской, балтийскоморской и средневропейской зонам, и если в балтийских и славянских языках (в частности и в целом) абстрагируем элементы, принадлежащие зонам, упомянутым в начале этого раздела, то получим две серии фактов: элементы, не подлежащие зональным изменениям и элементы, подлежащие таким изменениям, скажем, условно, неизменяемые и изменяемые элементы. Сравнивая эти две серии, мы должны установить:

а) каковы состав и взаимное соотношение приведенных двух серий в романской, германской, балтийской и славянской группах?

б) как ведут себя в этом смысле пары групп, имеющих свои отдельные члены в тех же самых зонах (пары романско-германская, романско-славянская, германско-балтийская, германско-славянская, балтийско-славянская)?

в) как ведут себя в этом смысле приведенные пары по отношению к их участию в зонах вообще?

*
* *
*

Излагаемые здесь темы обработаны только в качестве примеров для основного тезиса. Потому мы ограничились только фонологической проблематикой и индоевропейскими группами нашего материка. Расширение этих границ, однако, могло бы только подтвердить и более конкретно осветить высказанное мнение. Так, например, если бы мы не остановились только на фонологических вопросах, материальный характер лексикальных, словообразовательных и морфологических (аффиксальных и других) элементов дал бы более прочную почву для подтверждения того, что нам говорят фонетические и фонологические факты. Или, если бы мы говорили о морфосинтаксической структуре, то могли бы сравнить, например, специфические положения исландского (он, впрочем, почти вне всех зон) и румынского языков и болгарско-македонской подгруппы в рамках германской, романской и славянской групп. Если бы мы говорили и о неиндоевропейских языках, то прежде всего полезными оказались бы уральские языки¹⁸, особенно в проблематике диезности¹⁹. И, наконец, выходя за границы Европы, важнее всего была бы обработка иранских и ариоиндийских языков и их взаимных отношений в современности, особенно на их пограничии.

¹⁸ Полезным примером может послужить статья Лекомцевой М. И. К типологической характеристике фонологических систем диалектов латышского языка. — В кн.: Балто-славянские исследования. М., 1974, с. 227—241.

¹⁹ К сожалению, и в уральском языкознании слишком часто смешивают оппозицию по диезности /С/~/С'/ (где и /С/ и /С'/ или обе являются компактными, или обе некомпактными) с оппозицией по компактности /С/~/С'/ (где /С/ релевантно — сопр., и /С'/+сопр., но /С'/ редундантно-диезная согласная).

С другой стороны, все это, хотя и очень желательно, не необходимо для основного тезиса, который состоит в следующем: мы в лингвистике очень много говорили о том, чем балто-славянский языковой мир был в прошлом. По этой теме осталось еще очень мало невысказанного. Потому следует посмотреть, что представляет этот мир в настоящее время. Может быть — и я верю в это — если мы установим точно, чем он является в настоящее время, то сумеем сделать выводы о том, чем он должен был быть в прошлом, чтобы вообще мог быть тем, чем он есть в современности.